

М О С К В А
М А Р Т 1 9 3 4

КРОКОДИЛ

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО
НОМЕРА 40 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

к 556
13

№ 7

ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

В А В С Т Р И И

Рис. Ю. Ганфа

ПОСЛЕДНИЙ ВЗНОС УПЛАЧЕН

Человек, присланный из центра, не поинтересовался ни делопроизводством ни отчетностью. В канцелярии он просидел счетом две минуты, а затем пошел шнырять по мастерским, по столовой, по общежитию и даже по таким местам, в которые обыкновенных людей загоняет только специальная, не терпящая отлагательств нужда. Шныряя, человек из центра задавал вопросы, прислушивался к разговорчикам, записывал что-то в книжечку и неодобрительно усмехался.

Однако директора МТС тов. Ползикова несколько не беспокоили ни записи ни усмешки человека из центра. Тов. Ползиков тоже усмехался и говорил председателю рабочкома:

— Америкки открывает. Обхохочешься! Думает себе: тут, мол, дирекция осуществляет бумажное руководство, дальше своего носу не видно ничего, а я, мол, ткну ей в нос все дефектики. Обхохочешься... В делопроизводство, небось, не заглянул. Не подозревает того, что у меня все неполадки зафиксированы, и по каждой проявлена распорядительность. Ползикову, брат, сроду ни один комар носу не подтачивал, а вот я-то ему утру нос по каждому пункту. Завтра разговор у нас будет с ним. Ты приходи, послушай. Обхохочешься.

Разговор состоялся. Человек из центра начал его коротким по природе, но искусственно удлиненным словом:

— Да-а-а!

— Неполадочки, конечно, имеются,—согласился тов. Ползиков.

— В МТС ужасающая грязь,—сказал человек из центра.—Горы мусора. Инструменты и детали заваливаются в эту грязь так, что их потом невозможно найти. Известно это вам?

Тов. Ползиков снисходительно улыбнулся, глянул на предрабочкома, полез в портфель и ответил:

— Вывешивал специальный приказ. Еще за три недели до приезда вашего. Вот. За номером 147.

— В общежитии и в столовой,—продолжал человек из центра,—то же самое! Даже еще грязнее! Допустимая это вещь?

— Вывешивал приказы. Специальные. Вот 145 и 149,—ответил, стараясь говорить не торжествуя, а скромно, тов. Ползиков.

— Рабочие курят в мастерских,—там бензин!..

— Запрещено приказом,—сказал, уже откровенно торжествуя, тов. Ползиков.—Категорически! Он на виду вывешан, этот приказ, но если вы случайно не обратили внимания, то вот и копия. Номер 148.

— ... Отремонтированный „Интер“ стоит под открытым небом, мокает, ржавеет...

— Вывешан приказ,—сказал, пожимая плечами, тов. Ползиков.—Неужели же могло пройти мимо моего внимания, где „Интер“ стоит!..

— ... На уплотнение рабочего дня даже и намека нет! Рабочее время фактически не загружено даже наполовину!

— Вывешиваю приказы,—сказал Ползиков.—Не один, а даже три было их. Номера 146, 153 и 15. Неужели же не уделяю внимания?

Разговор продолжался не очень долго. Человек из центра сообразил, что преодолеть тов. Ползикова невозможно и, впав в уныние, удалился. А тов. Ползиков посмотрел на предрабочкома, улыбнулся и произнес:

— Утер нос. По всем пунктам. А то, ишь ты: Америкки открывать приехал! „Вот,—думает,—застукаю на бумажном руководстве“... Обхохочешься!..

— А все-таки снимут тебя,—предрек с мрачной убежденностью предрабочкома.

— Ну, ясное дело! Надо же человеку свои суточные оправдать. К чему-нибудь придерется! Вот я насчет антисанитарного состояния уборной не успел вывесить приказ,—вот он и найдет себе прицепку,—сказал тов. Ползиков.

Затем подумал и добавил:

— За утертый нос тоже, небось, разозлился... Ну, на здоровье: пушай снимают. Формальный ихний подход, он, конечно, не нами выдуман, не нами и кончится!

ГРАМЕН

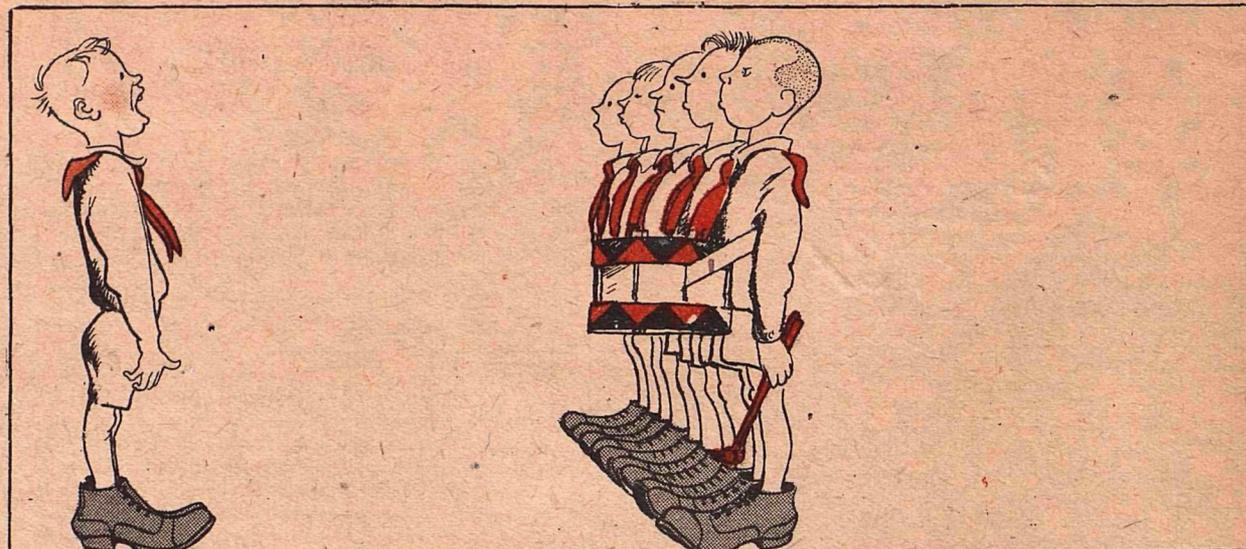
СТРОГИЙ УСТАВ

— Новый устав закрывает моему мужу дорогу в партию. Подумайте: пять рекомендаций от партийцев с десятилетним стажем!!!

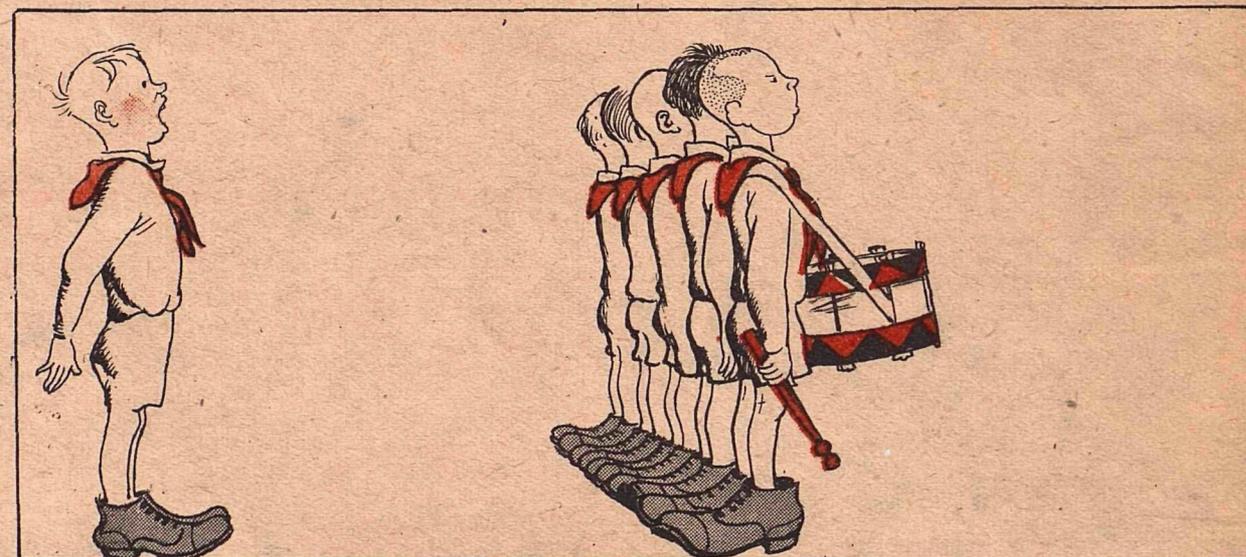
— Ну, ваш муж должен же знать много старых партийцев.

— Да.. Но, к сожалению, и они его знают.

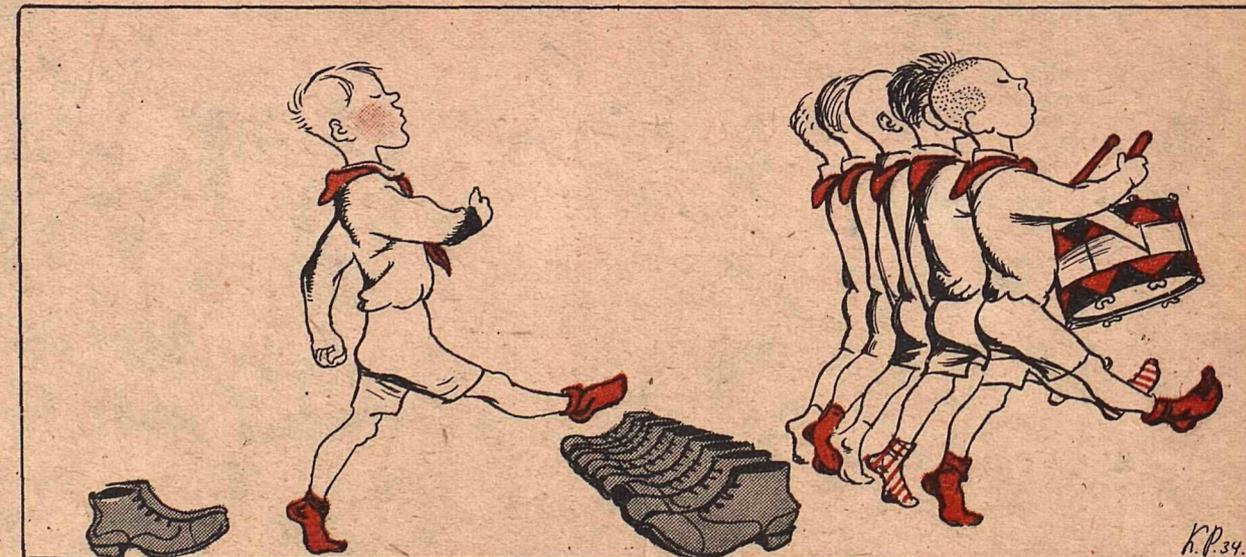
Рис. К. Ротова

— Сми-р-р-но!!!

— Кру-гом!!!

— Шагом - арш!!!

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Последний раз вздохнул паровоз, звонко поцеловались буферами вагоны, и тифлисский скорый № 18 остановился.

Суровый и недоступный, пришел осмотрщик. Он шагал вдоль зеленого фронта вагона, наклоняясь, жрчески невозмутимо постукивал длинным молотком по колесам и рессорам. У мягкого вагона он задержался. Послушал внимательно. Постучал еще раз. И мелом вывел на стенке вагона роковое: „В отцепку“.

Через час проводник опустевшего мягкого — Кузьма Петрович Чернояр, — погладив черные подернутые инеем лет усы, сказал в убегающую спину скорого № 18:

— Москве там кланяйтесь! Эх, дела-делишки, комар тебя забодай!..

На следующий день больной мягкий включили в состав товарного № 442/бис, и он покатил в Ростов на ремонт. Соседями его по составу оказались два вагона с рогатым скотом, который сопровождали проводники Заготскота Нечепуренко и Горобец — неразговорчивые, хмурые мужчины в громоздких тулупах, с боярскими стоячими воротниками и в громадных валенках.

Быкам было скучно ехать под нож. Рогатые покорные головы их кружились от долгой езды, в красивых, круглых, глуповатых глазах застыло тупое недоумение. Быки непрерывно жевали и о чем-то думали.

Людам было тоже скучно ехать, и они тоже непрерывно жевали, а по утрам Нечепуренко будил Горобца одним и тем же замечанием:

— Вставайте, куме, бо снадять пора. Вставайте, а то я усе сало з'им, ей право!

Поев сала, они сядились играть в двадцать одно на щелчки. Хмуро и вдумчиво подставляли они друг другу лбы, железные пальцы щелкали, как кастаньеты, и лиловые гули расцветали на блах сотрудников Заготскота, осатаневших от дорожной тоски.

На маленькой станции, где-то за Владикавказом, ночью, по ошибке дежурного, два вагона с быками и один большой мягкий зачем-то отцепили. Проснувшись, Нечепуренко, Горобец и Чернояр увидели, что застряли надолго. Станция была глухая, безводная, невеселая. Два подбоченившихся нужника, желтый станционный домишко и стылая бесснежная степь, над которой кочует быстрое, цвета овечьей шерсти небо.

Нечепуренко и Горобец скоро приспособились к обстановке. Утром, поев сала, они шли к начальнику станции — молодому человеку с плохо пропеченным белым лицом, в старомодном семинарском пенсне со шнурочком. Войдя в кабинет начальника, проводники снимали свои капелюхи, и Нечепуренко простуженным басом говорил:

— Отправьте нас обязательно сегодня, товарищ начальник, бо быки без воды могут свободно сдохнуть.

— Это правильно. Могут, — подтверждал Горобец бойким тенором.

Начальник станции с отвращением смотрел на чудовищные валенки проводников, на лбы их, усеянные итrockими шишками, морщился и отвечал:

— Отправлю, когда будет возможно. Тут и без ваших быков тошно.

Нечепуренко и Горобец одевали свои капелюхи и шли обратно к быкам — играть в карты и молча смотреть на степь. Утром, поев сала, они опять шли к начальнику станции, и тот опять, хватаясь за голову, кричал, что чортовы быки сидят у него в печонках, что он „не бог, не царь и не герой“, чтобы цеплять проклятых быков к транзитным маршрутам, что не надо было спать, когда произошла роковая ошибка с отцепкой, что и так его, начальника, обляяли в дорожной газете и что жизнь ему не мила и нехай все идет пропадом! Пенсне его тряслось, белые невыпеченные щеки пригорали румянцем тупого возмущения.

Проводник мягкого, Кузьма Петрович Чернояр, сначала отнесся к событиям философски спокойно. Это был бывалый кадровый железнодорожник, выдавший виды человек. Нечепуренко и Горобца он откровенно презирал и в разговоры с ними не вступал. С начальником же станции попытался поговорить, но, увидев, с кем имеет дело, плюнул и решил обождать пару дней, а потом уже принимать какие-то меры. Но в эту же ночь у Нечепуренко и Горобца пал первый бык. Они успели его прирезать, составили акт и с утра стали варить и жарить благоприобретенное мясо. К полудню они наелись до судорог и, страдая от мучительной отрыжки, пригласили поснадять Кузьму Петровича.

Кузьма Петрович выкушал тарелку наваристого бульона, от второй отказался, вежливо поблагодарил и сказал:

— Вот что, хлопцы. Вы тут сидите себе, а я пойду в станицу в ячейку, а то мы этак всех ваших быков на каклеты порешим. С начальником каши, видать, не сварись. Он саботажник, сукин сын, комар его забодай! На него нажать надо хорошенько.

До станицы было добрых 12 километров. Степь была шершавая, звонкая от стужи, злая. До станицы Кузьма Петрович добрался лишь к вечеру. Секретаря колхозной ячейки он застал дома. Секретарь, босой, желтопаятый, растрепанный, сидел на печке и вслух читал районную газету.

Вслушав Кузьму Петровича, едва ворочавшего замершими губами, секретарь почему-то обрадовался.

— Вот здорово! — сказал он, — и белесые его глазки потемнели от удовольствия. — Смотри, пожалуйста, какой интересный случай случился. Проблема животноводства наскочила на проблему транспорта! Ты оставайся, а завтра нам на бюро доклад сделаешь. Мы вокруг твоего дела политико-воспитательную работенку провернем. На меня райком как раз жмет по линии животноводства.

— Это мне ни к чему, — глухо сказал Кузьма Петрович, — тут быков спасать надо, а не доклады докладывать.

— Доклад сделаешь, мы его на бюро проработаем, получишь от нас выписку и поедешь своему саботажнику шею ломать.

Кузьма Петрович растерялся.

— Мне не выписка нужна, секретарь, а ты сам. Одевайся, поедем к начальнику станции. На него, на сукинова сына, нажать надо хорошенько.

Секретарь удивленно пожал плечами.

— Экий ты чудак, право. Как же я без выписки-то поеду? Вот на бюро потолкуем, извлечем, как говорится, уроки, корни вскроем, а тогда можно будет и съездить на станицу.

Мы эту поездочку по линии шефства над транспортом проведем.

— Так ведь пока вы корни извлечете, там все быки сдохнут.

— До завтра не сдохнут. Стой, обожди! Я бюро ведь могу только послезавтра созвать, завтра у нас марксистская учеба. До послезавтра не сдохнут твои быки! А завтра ты у нас на кружке посиди, послушай. Пользу получишь.

Кузьма Петрович внимательно, даже с некоторым испугом, посмотрел на секретаря. Тот сидел на печке, свесив босые ноги, постукивал желтой пяткой о кафель. Растрепанный и одутловатый, до смешного показался он Кузьме Петровичу похожим на начальника станции с его плохо пропеченными щеками. Кузьма Петрович хлопнул дверью и вышел на улицу. Ветер кинулся на него, как злобный пес, и перехватил дыхание.

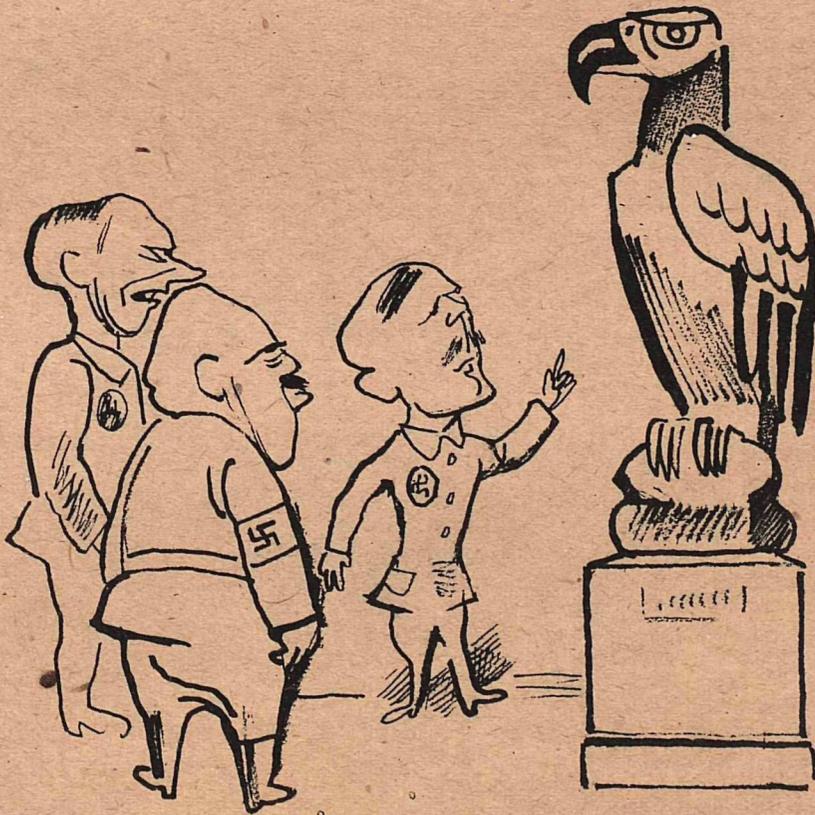
Проводник брел по пустынной станичной улице от бешенства, удивления и растерянности не чувствовал холода. Почти машинально поднялся он на крыльцо дома с вывеской „Стансовет“. На крыльчике сидел пожилой человек в хорошем пальто, калошах и с дорожным чемоданом. Они разговорились. Человек с чемоданом оказался районным прокурором, приехавшим в станицу по какому-то специальному заданию.

Через час Кузьма Петрович и прокурор ехали на бричке к станции. К ночи перепуганный насмерть начальник станции прицепил два вагона с рогатым скотом и большой мягкий к товарному № 346/бис.

... Колеса болтали о разных пустяках, приобдрившиеся быки мечтательно жевали и думали о чем-то своем. Отъездившие, довольные Нечепуренко и Горобец шпарили в свои козыри, и лиловая шишка уже цвела на лбу проигравшегося Горобца. А Кузьма Петрович спал сном праведника у себя в купе. Даже погода повеселела; ветер унес тучи, и небесный диспетчер развел по местам большие, по-зимнему колкие и, как всегда, прекрасные звезды.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. А. Радакова

— Как эмблема эта птица для нас не подходит... Обратите внимание на ее подозрительный нос...

(Октом)

МИМОХОДОМ

(a-b+c) -

ПОЭТОМУ?

По сообщению рижских газет, в Латвию запрещен ввоз учебника алгебры Шапошникова и Вальдева.

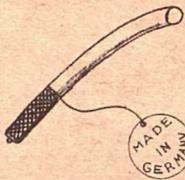
Повидимому, латвийских властей испугали задачи с двумя и тремя неизвестными. А вдруг все пять неизвестных окажутся коммунистами?

ПОПРАВКА

В Мадриде обнаружено, что дубинки, которыми испанские фашисты избивают рабочих, импортируются из Германии.

Существует довольно популярная поговорка: вор у вора дубинку украл. Теперь ее следует несколько видоизменить в тоне более светском:

— Бандит бандиту дубинку экспортирует.

СЛУЧАЙ С ЧАСАМИ

Швейцарская пресса горько сетует на то, что страшно пал

вывоз часов из Швейцарии в другие страны.

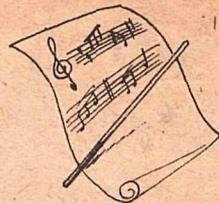
В последний раз недурные часики из Швейцарии вывез один фашистский комиссар, едущий туда для пропаганды, но и те оказались чужими.

БЫВАЕТ И ТАК

По словам берлинских газет, шесть лучших берлинских режиссеров уже давно существуют без постоянной работы.

Далеко нам до Европы. Мы оркестр без дирижера считаем достижением, а там дирижеры без оркестра давно существуют.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Если верить парижским газетам, пасторами в Германии будут отныне только бывшие штурмовики.

Очень трудно позавидовать богу, если его будут обслуживать люди с такой практикой.

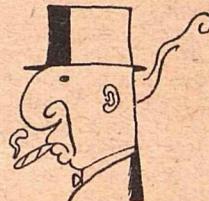

ПОПУЛЯРНОСТЬ—НЕ ОПРАВДАНИЕ

Парижская „Матэн“, не без некоторого сочувствия, констатирует, что

самый популярный человек в Париже сейчас—Кьяпп.

В Лондоне одно время был тоже очень популярен Джек-Потрошитель. Но, к счастью, ни до этого ни после префектом полиции он не был.

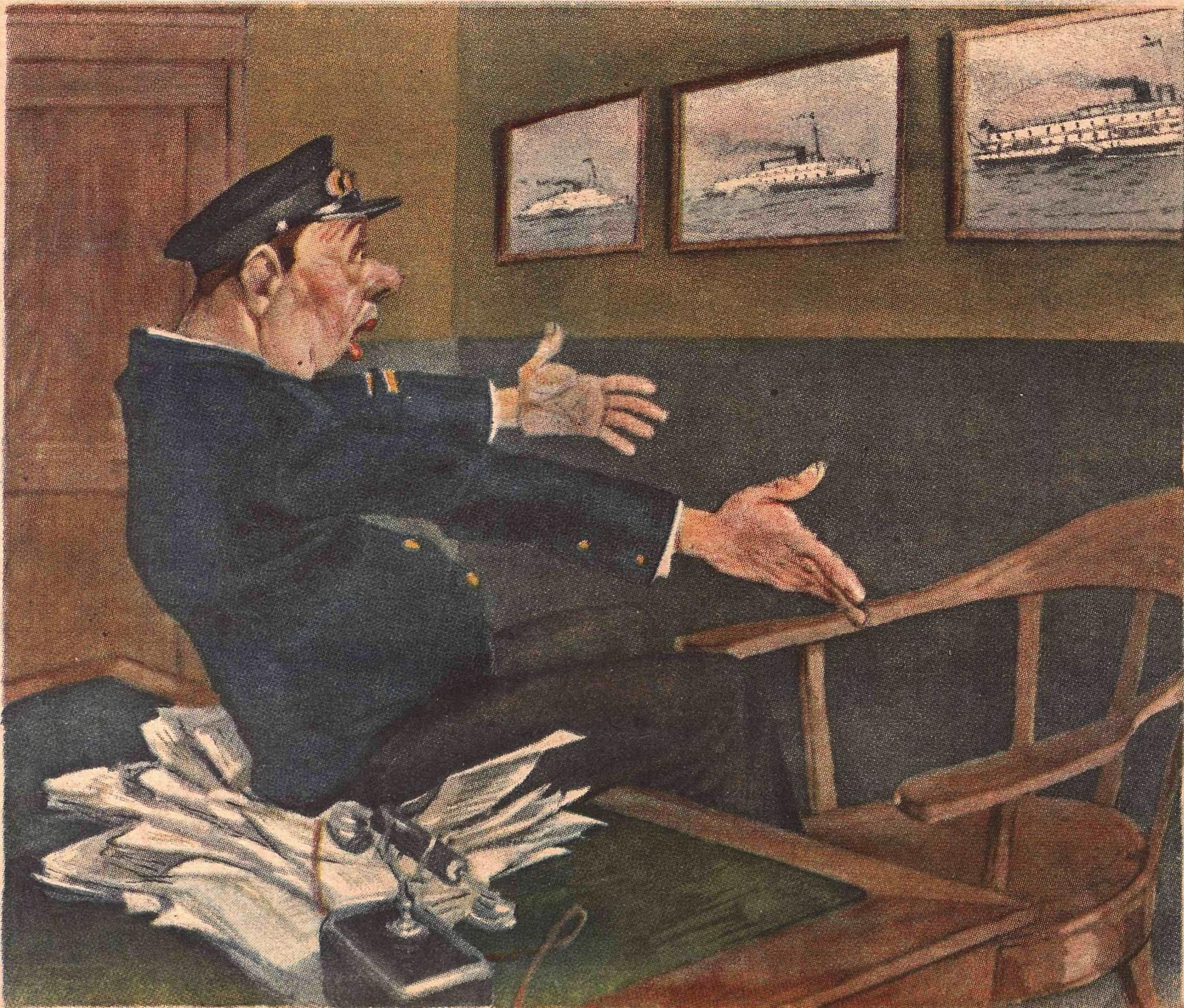

НЕЯСНАЯ ДИРЕКТИВА

„У наркомводоцев пароходы плохо плавают летом, но зато и летом и зимой сами наркомводоцы плавают в канцеляриях замечательно. (Смех). Вот это мы должны ликвидировать“.

(Из отчета тов. Кагановича на 17-м съезде ВКП(б).)

Рис. А. Топикова

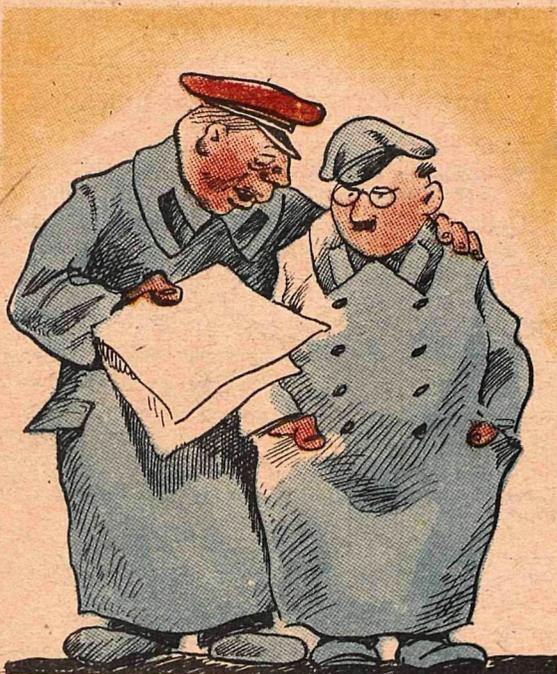

— Как же я переведу работу на новые рельсы, когда кругом одна вода...

(М Глушков)

МЕТОД УГОВОРОВ

Рис. К. Елисева

Начальник уговаривал помощника...

Помощник упрашивал дежурного...

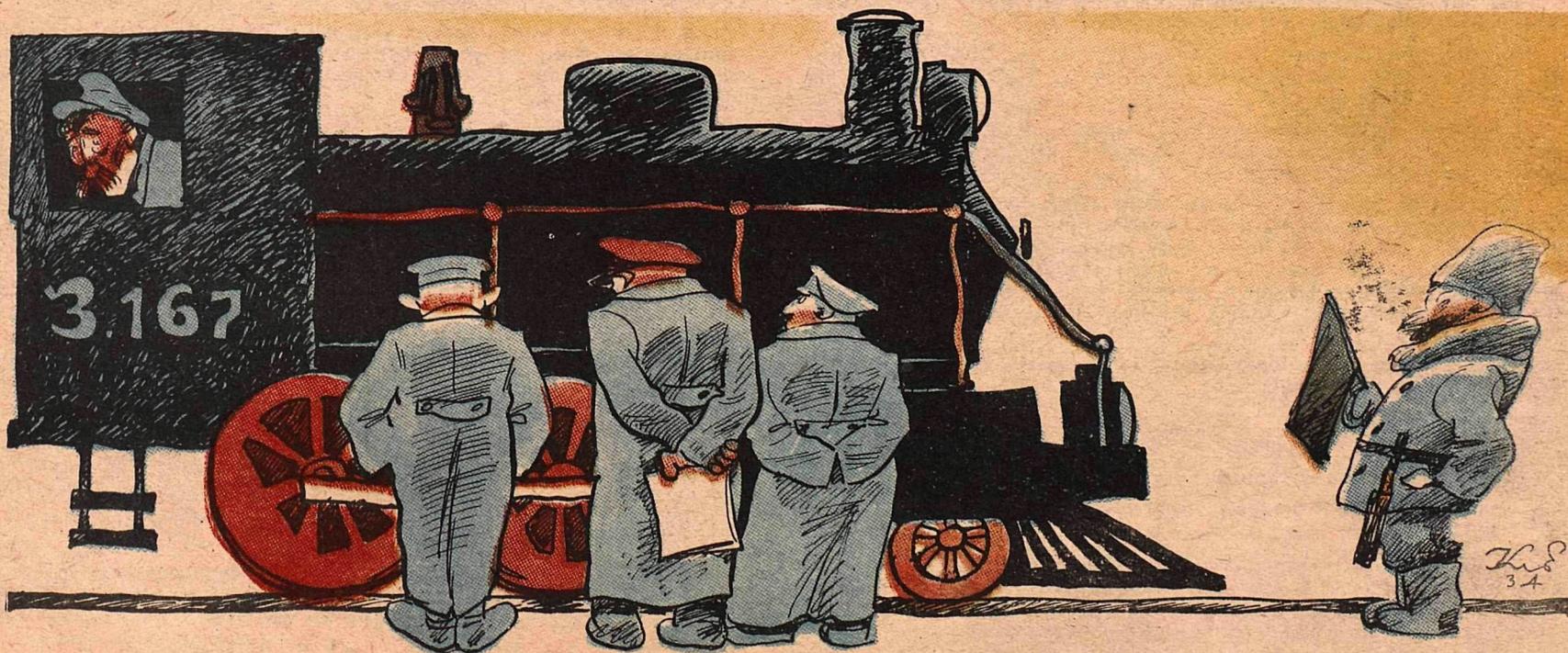
Дежурный просил машиниста...

Машинист умолял кочегара...

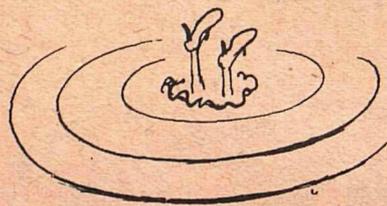
Кочегар — смазчика...

А поезд стоял и ждал, потому что ему уже некого было уговорить...

(Е. Веснин)

АННА НАШЕЕ

МИХ. ЗОЩЕНКО

Иллюстр. К. Ротова

Из любовных историй я вам могу рассказать одну, весьма смешную и трогательную историю, любопытную по своей психологической тонкости.

Эта история рисует, что ли, некоторый наш недосмотр на одном позабытом участке жизни.

Короче говоря: по-моему, следует давать медали или какие-нибудь там знаки отличия за спасение утопающих. Иначе получается как-то не того. Посудите сами.

А стоял один мой знакомый милиционер на посту. Днем. Как раз, знаете, у Республиканского моста. Там Нева, знаете, течет широким течением. Могучие волны стремятся вдаль. Темные воды расстилаются перед взором.

А напротив, знаете, Зимний дворец во всей своей бывшей красоте. Направо — Петропавловский шпиль. Так — Академия наук. И Зоологический музей — довольно обшарпанное здание. Особенного там внутри, по правде сказать, ничего такого интересного нету. Ну, чучела зверей. Разные бабочки. Ну, разве что мамонт еще любопытен. Страшненький чорт, во всей своей бывшей красе.

Так вот, стоит наш милиционер на посту как раз у этого здания. Фамилия милиционера — Сидоренко Михаил.

Вот он стоит на посту во всей своей красоте. Бравый молодец. Красавец и добряк. На очень хорошем счету. И к тому же человек отчаянной храбрости.

В начале-то революции ему было, конечно, лет 10, так что эту храбрость он до сих пор не проявил. Но вскоре, как мы сейчас увидим, проявит ее в полном объеме.

Вот, значит, стоит он на своем посту. Любуется, может, на монументальные здания, поглядывает на темные неводские воды с их державным течением, думает, может быть, сколько там, чорт возьми, разной лишней рыбы и, чорт знает, чего в глубине. Вспоминаются ему может быть, картины крайнего детства, когда он мальчишкой болтался по колено в воде и ловил разных там ершиков, жучков и колюшек.

И вдруг видит — проходит вдоль моста какая-то молоденькая бабешка в черной шляпке.

Милиционер думает:

„Какая-то, думает, гражданка идет. Пущай себе, думает, идет“.

И не придает этому решительно никакого значения.

„Мало ли, думает, сколько ходит гражданок. На каждую глядеть — глаза заболят“.

И отворачивается он в сторону и начинает, может, думать про свои душевные дела. И кто ему нравится. И не жениться ли ему в этом году. Поскольку человек он молодой. На войне не был и здоровье имеет очень великолепное.

6 Вот, значит, он так думает и вдруг неожиданно видит — эта вышеуказанная гражданка в полной нерешительности берет руками за перила и вроде как напряженно смотрит в темные воды.

Милиционер думает:

„Ого, надо будет посмотреть за этой гражданкой“.

Тем более он замечает, что гражданка как-то нервно и панически настроена. Ход у нее мелкий и неровный. И вся сна, видать, находится в сильном волнении.

Вот он смотрит на эту гражданку. Хочет к ней подойти, чтоб поговорить об ее душевном и нравственном состоянии. И вдруг, с криком, замечает, что эта молоденькая еще барышня карабкается на перила и, ах, — ужас какой! — сгибает вниз, в эти темные воды, откуда возврата нету.

Ах, он моментально замечает все это и вдруг швыряет с себя шапку и растегивает ремень.

Нет, наш храбрец не нуждается, конечно, в разных там похвалах и наградах и в разных почетных отзываются и в часах с надписью — за храбрость. Или там в каком-нибудь серебряном портсигаре.

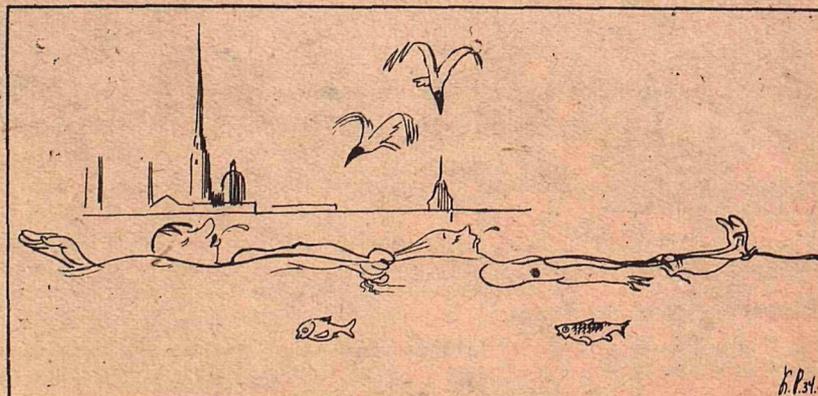
Настоящая храбрость и мужество безусловно выше всех этих корыстных соображений.

Но нам сдается, что за проявленную храбрость и мужество все же надо чего-нибудь давать.

В довоенное время давали чуть не за каждый шаг разные там — знаменитую „Анну на шею“ или там „Владимира с бантом“. И давали там всякие медали с разными словами: „Мерси, благодарю, вот вы какой“.. И так далее.

В том, конечно, было много вздору, но вот нам сдается, что за спасение плавающих и утопающих непременно надо что-нибудь давать. Это, если разобраться в этом психологически, очень нужно. Иначе получают такие вдруг неожиданные осложнения, которые потом долго надо расхлебывать. Так сказать, глубина человеческой психики мало исследована. И то, чего бывает, вызывает удивление. Вобщем, по-моему, надо давать.

Так вот, наш милиционер, у которого даже и на минуту не мелькнула мысль о награде, увидя сие ужасное происшествие и гибель мо-

лодого цветущего существа, моментально, не теряя присутствия духа и не закричав даже — помогите, или ах, спасите! Тонет! — или еще чего-нибудь такого, которое обыкновенно кричат малодушные люди, — моментально сбрасывает с себя шапку и ремень.

Он моментально сбрасывает с себя куртку, шапку и сапоги и в одних, извиняюсь, брюках, с громадной высоты сигает вниз вслед за исчезнувшей гражданкой.

Он сигает вниз, резво разбивает нахлынувшие на него холодные волны и вдруг видит, что гражданка на минуту вынырнула вновь. Она продержится еще две секунды и сейчас пойдет безвозвратно на дно морское.

Она вынырнула на минуту в жалком виде. Шляпка у нее сбилась. Платице ее облепило. И ротик у нее набит водой.

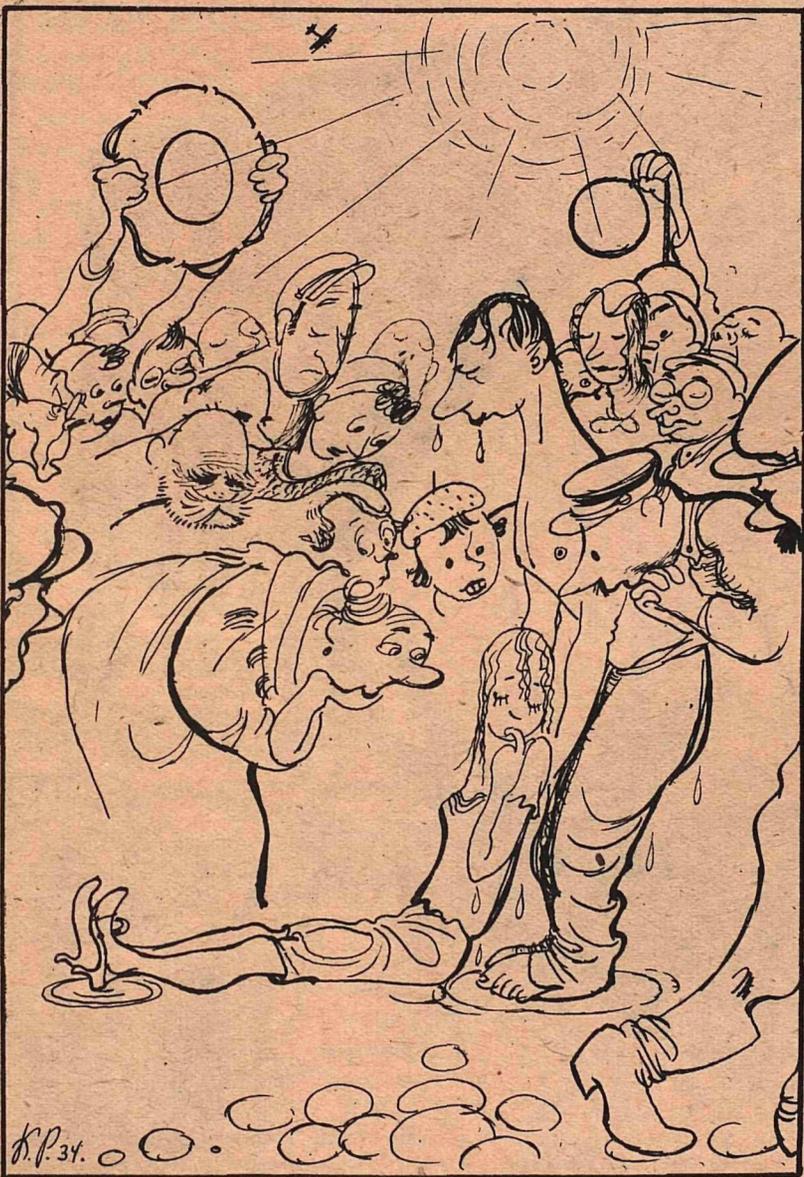
Она фыркает носиком и жалобно глядит на небо, желая увидеть там чудо и спасение.

Но спасение близко.

Наш храбрец резво бьет руками воду и кричит:

— Один момент. Продержитесь!..

И вдруг — вот, — он берет ее за каштановые волосы и тянет ее к берегу. И она, как кораблик, скользит за ним в обморочном состоянии.

Тут наверху и внизу столпился народ. Все преужасно кричат. Какие-то дураки и болваны бегут зачем-то за кругами, в то время как решительно никаких кругов не надо, поскольку наш герой плавает, как рыба.

Кто-то бежит в музей и вызывает карету скорой помощи.

Какая-то дама торжественно держит в своих руках куртку, шапку и сапоги милиционера и всем кричит:

— Вот-то она — я — держит белье этого героя.

Милиционер вылезает на сушу со своей ношей.

Все их обступают. Кто-то кричит бис и браво. Кто-то трогает за ручку молодую утопленницу и говорит, — она вполне живая.

Тут молодая утопленница сама открывает свои серые глазки и глядит на небо.

А на небе сияет солнце. Чудный мир разворачивается. Птицы щебечут о разных свойствах счастья. Где-то летит аэроплан со своим жужжаньем. И в этом полете видно неслыханное мужество людей и желание их жить отлично.

Становится ясно, какое безобразие и какое малодушие так губить свою молодую жизнь, которая может пригодиться для более замечательных дел. Всем это становится ясно. И тогда наступает удивительная тишина, и все ждут, что сейчас скажет молодая утопленница.

Она открывает свои глазки, выплевывает воду изо рта и говорит: „Ох“, потом „фу“.

Потом глядит на милиционера и говорит ему: „Мерси“.

Она ему говорит „мерси“ и слабым движением ищет его руку, чтоб пожать.

Милиционер говорит: „Что вы, что вы. И тоже выплевывает воду из глубины груди. Потом говорит: „Оу“ и сильно кашляет.

Молодая утопленница говорит: „Мерси“ и бормочет, что она сама не знает, как это вышло.

Какая-то тетка, позабывшая из любопытства все на свете, говорит:

— Кто-нибудь тебя разлюбил или бросил?

Молодая утопленница тихо говорит: „Да“.

Тут все видят, что эта молодая женщина родилась в свое время от неврастенических родителей. Почти все видят, что она немножко истеричка и немножко оторвавшаяся от жизни.

Ее спрашивают, где она работает, и она отвечает: „В институте поварского искусства“.

Тут вдруг с резким свистом приезжает карета скорой помощи.

Молодую даму берут на руки и сажают внутрь. И тогда все обступают карету.

Милиционер, одевшись в сухое, делает прощальный жест и снова хочет идти стоять на своем боевом посту.

Но всем видно, что он желает еще раз поглядеть на дело своих рук. И тогда все говорят: „Расступитесь, дайте ему подойти“.

Он подходит, любовно смотрит на спасенную даму и говорит: „Постойте кто-нибудь на посту, я сам провожу эту спасенную гражданку до больницы“. И, сказав так, он садится внутрь.

Все понимают психологию храбреца. Кто-то кидает в восторге шапку и кричит ура.

Что было дальше, нам в подробностях неизвестно. Только известно, что он довез ее до больницы и велел главному врачу получше о ней заботиться.

Она пролежала там три дня. И три дня наш храбрец посещал ее, говоря, что он ее спас и он желает ее приблизить к жизни.

Но вот она выписалась на сушу, то-есть я хотел сказать — домой. И живет себе дома.

Он теряет ее из виду, сердечно горюет от этого и разыскивает ее через адресный стол, зная, что ее зовут Анна Васильевна Теплякова.

Он находит ее и звонит энергично по телефону каждый день, а то и по два раза.

Она через неделю приглашает его к себе. Он ежедневно ее посещает и спрашивает о здоровье, так что она приходит даже в некоторый ужас и содрогание от излишних его забот.

Нет, она не хочет от этого снова броситься в воду. Она терпеливо сносит его посещения и не забывает сказать ему „мерси“. Но после ухода она хватается за голову и говорит себе: „Это слишком“.

Но тут он вдруг объясняется однажды ей в своих чувствах и говорит, что он ее так полюбил, как не может мечтать никакая другая женщина.

И он предлагает ей записаться. Она очень радуется такому обороту дела и моментально выходит за него замуж, говоря, что ее прежняя любовь канула в вечность.

Они поженились и часто вспоминают удивительный день спасения. При чем он любовно смотрит на нее и всем знакомым говорит: „Еще две секунды — и сию гражданку съели бы рыбы“.

На что знакомые отвечают:

— Вы молодец. Поймали Анну Васильевну.

Но в довершение всего она оказалась истеричным существом. Вскоре после брака она стала закатывать ему чудовищные истерики и сцены. Но он покорно все это сносит и говорит, что он сам теряется в догадках, за что он ее так полюбил, больше жизни.

Так они и сейчас живут. Наш храбрец получил, так сказать, Анну на шею.

Нет, по-моему, если еще и не дают, то надо давать какие-нибудь, хотя бы пустынные, жетоны за спасение плавающих и утопающих. А то что-то получается не того. Не по заслугам.

ОДИН ИЗ НЕКОТОРЫХ

Я стоял на тротуаре и, прежде чем перейти дорогу, внимательно вчитывался в плакаты: «Переходя улицу, посмотри влево»...

И вдруг страстно, мучительно страстно, до боли под ложечкой, захотелось мне посмотреть вправо.

Я колебался: посмотреть или не посмотреть? Нет, не буду. Нельзя нарушать уличного движения. Нет, посмотрю. А может быть, там что-нибудь интересное? Но можно ли предаваться праздному любопытству? Нет, не буду смотреть вправо. Плакат, он знает, куда мне надо смотреть.

И я посмотрел... вправо. Вот тут-то меня и ожидала приятная неожиданность.

— Кого я вижу? Сколько лет, сколько зим! Преду мной, как живой, стоял Петя Корзинкин.

Надо полагать, уж лет десять не лицезрел я Петю. Последний раз я видел его в маленьком городишке под Тамбовом. Служил он там в собесе в звучной должности помначканца.

В свое время Петя Корзинкин прекрасно владел пером. Особенно пером рондо. Вдумчиво, с большим художественным чутьем выводил он:

«Курить, а также выражаться строго воспрещается. Штраф 3 рубля».

Местные любители изобразительного искусства подолгу простаивали перед цифрой 3.

Тройка была вся в орнаментах и замысловатых в стиле барокко завитушках.

Потом я на долгие годы потерял из виду и Петю и его завитушки.

Петя снисходительно подал мне руку и небрежно спросил:

— Ну, как живешь? Что делаешь?

Не ожидая моего ответа, он тут же сообщил, что живет уже года три в столице и состоит в писателях.

— Пишешь прозой или стихами?

Писатель Петр Корзинкин иронически улыбнулся моему наивному вопросу.

— Не в этом дело... Я так поглощен писательской деятельностью, что тут уж не до писания.

— Это, собственно, как понимать?

Рис. М. Червильных

„Если вы возьмете официальную статистику, вы получите продвижение товарного вагона со скоростью 4 километра в час. Я думаю, что украинские волю двигаются немножко быстрее“.

(Из отчета тов. Рудутака на 17-м с'езде ВКП(б).)

— Вот, например, сейчас. Бегу приветствовать от имени союза писателей конференцию инвалидов Сокольнического района. А в четыре часа я приветствую слет яйцезаготовителей. Оттуда в ГОМЭЦ на заседание. А в девять я председательствую на творческом вечере поэта Игоря Рулевого. Очень трудно работать.

— А в чем же трудности?

— Ого! Ваш брат не понимает этого. А мы, писатели, страдаем. Председательствую, например, на вечере поэта. А публики нет. Произношу прочувствованное горячее слово, меня слушает поэт. Потом я иду в залу, а поэт мне читает стихи. Ну, конечно, очень трудно — ко сну клонит. А работы, братец, по горло. Диспуты, заседания, участвую в творческих командировках, в писательских бригадах. Кроме

того, хожу приветствовать. Это, брат, нелегкая работа. Это тебе не романы писать.

— Конечно, понимаю..

— Тут бдительность нужна большая. Чутье. И умение ориентироваться в данной обстановке. Недавно должен был выступить с приветствием на слете ударников гужевого транспорта. Пришел — и шумными аплодисментами приветствуемый отчебучил часовую речугу. Образы у меня были яркие, заимствованные из обихода гужевого транспорта. Кончаю, а председатель, гад, спрашивает меня с ехидной улыбкой: «Мы очень тронуты и благодарны, а только известно ли вам, дорогой товарищ писатель, что наш слет — это слет работников медицины». Оказывается, я адресом ошибся. Всякое бывает. Но больше всего меня возмущают всякие бестактные вопросы. Выступаю

это я недавно с приветствием на совещании поваров. Коснулся в своей содержательной речи Беломорского канала. Конечно нарисовал яркую картину — пустырь, топь, гуляли ветры, перекликались березы. Вдруг один старикашка-повар и задает мне вопрос: «А скажите, товарищ, где находится этот самый канал?» А я почему знаю? В старой географии этого не проходили... Ну, я побежал. Звякни как-нибудь.

— Звякну. А все же, что ты теперь пишешь?

— Заявление о предоставлении мне новой квартиры. Пока!

И он исчез в толпе. Ах, зачем я не послушался плаката! Зачем я посмотрел вправо?..

Г. РЫКЛИН

„КОНКРЕТНОЕ РУКОВОДСТВО“

Рис. Л. Генча

Лозунг конкретного руководства, повидимому, усвоен Московским отделом союза МТС и батрачества целиком и полностью.

Недавно культотдел союза направил одной из своих организаций — Ромешковскому льнозаводу — такое отношение:

«В соответствии с решениями руководящих партийных и профсоюзных организаций, областком союза рабочих МТС и батрачества приступил к организации целевых спектаклей в московские театры для членов нашего союза.

На февраль месяц союзом закуплены спектакли «Вздор», «Мой друг», «Чужой ребенок», «Поднятая целина».

Считая форму организованного посещения театров весьма ценной, областком предлагает вам организовать коллективные посещения указанных спектаклей рабочими и служащими вашего предприятия».

Завком Ромешковского льнозавода растрогался вниманием своего областкома. С другой стороны, завком впал в некоторое недоумение.

Дело в том, что проезд одного рабочего и служащего от завода до железнодорожной станции обходится в 25 рублей, проезд от Ромешкова до Москвы и обратно стоит 26 рублей, поездка занимает примерно три дня, и чтобы коллективно повезти рабочих, необходимо закрыть льнозавод дней на пять, так как завод находится в 55 километрах от станции и 250 от Москвы.

Завком просит областком разъяснить, как поступить.

«Крокодил», откровенно говоря, ехидно улыбается:

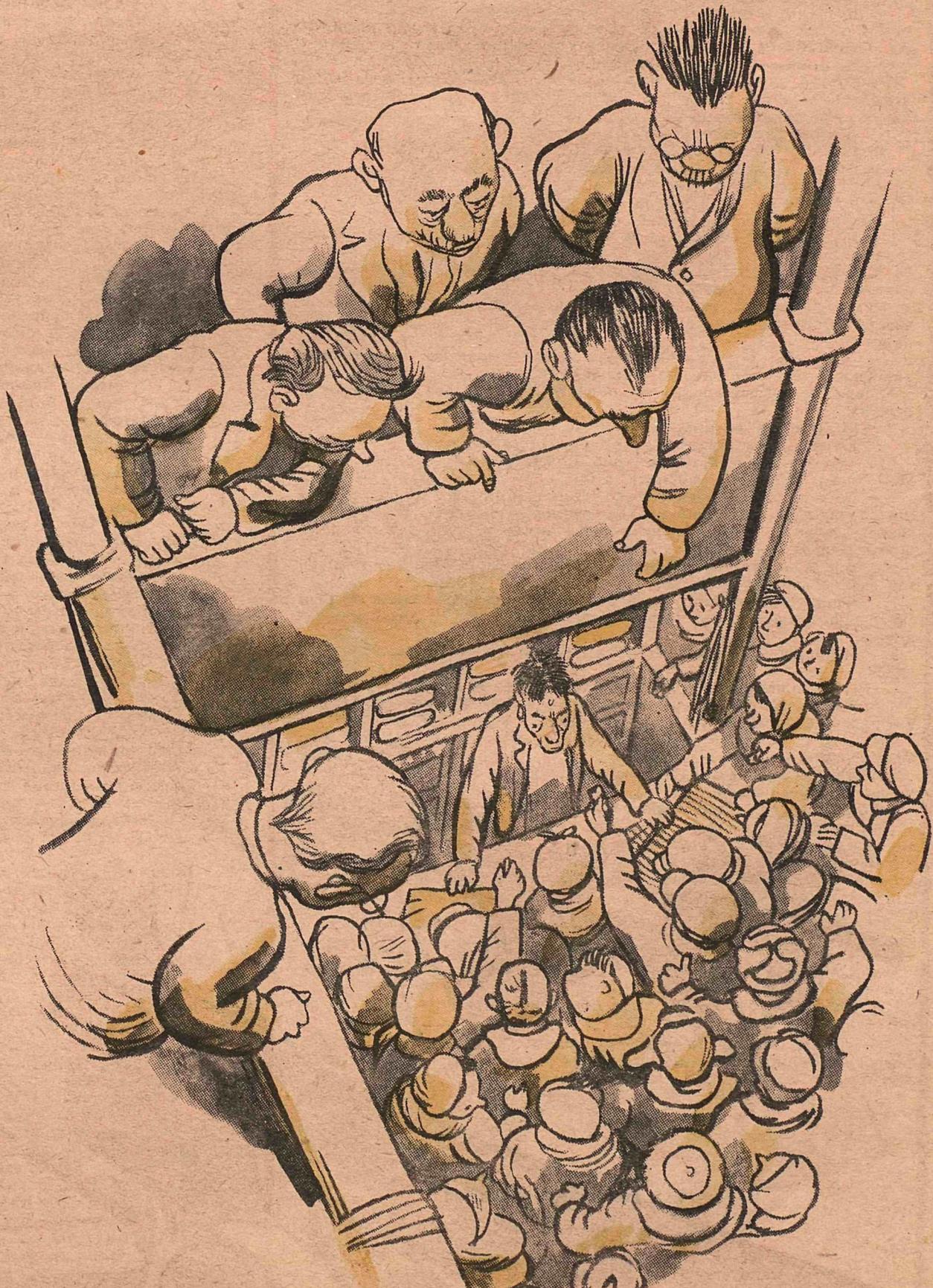
— А ну-ка, ну-ка, товарищи, как-то вы будете выпутываться из каши, которую заварили. Организуете ли доставку рабочих и служащих из Ромешков на аэропланах, добьетесь ли правительственного декрета о закрытии завода на недельку для коллективного посещения «Вздора» или, может быть, заставите своих собственных чиновников познакомиться, хотя бы теоретически, с предприятиями, которые они берут культурно обслуживать.

Интересно!

БЕН

„Только 25 проц. торговых работников являются собственными продавцами, остальные — это зав. секторами, отделами, замзавы, помзавы, кассиры и т. д.“

(Из отчета тов. Кагановича на 17-м съезде ВКП(б).)

ЗАВ, ЗАМЫ И ПРОЧИЙ ШТАТ: — Граждане, будьте вежливы с продавцом, ведь он у нас единственный.

(В. Апресян)

ЧЕЛОВЕЧКИ

Начинало светать. В маленький пражский отель робко вошли два пожилых человека с поднятыми воротниками, потрепанными чемоданами и громоздкими зонтиками. Заспанная блондинка в конторе раскрыла отельную книгу и, зевнув, спросила, искоса посмотрев на чемоданы:

— Актеры?
— Нет, не актеры, — вздохнул один из человечков. — Жертвы. Так и запишите, мадемуазель: жертвы. А в скобках: вожди.
— Откуда приехали?
— Оттуда, — уныло махнул рукой второй человек. — Из Вены. По личным надобностям.
— Фамилии?
— Фамилии есть. Моя Бауэр. Отто. А его Дейч. Можете записать наоборот. Пусть потом догадываются.
— А у вас в Праге ничего, тихо? — осторожно спросил другой. — Не беспокоят?
— Чистую публику не трогают. — еще раз зевнула девица и захлопнула книгу. — Янек, проводи господ в семнадцатый номер.
Два дня Бауэр и Дейч не выходили из номера, закрыв наглухо двери и опустив шторы. Очень только беспокоила дверь в соседней уборной, которая сильно хлопала.
— Вам не кажется, что где-то стреляют? — тихонько спрашивал Бауэр, прислушиваясь. — Выглянули бы, Дейч, узнали бы, а?
— Выглядывайте сами. Мне что-то нездоровится сегодня.
На третий день в газетах среди объявлений о корсетах и о пилулях против насморка было напечатано о приезде Бауэра и Дейча в Прагу.
— Готово, — прошептал Бауэр, — узнали. Теперь журналисты набегут, выворачивайся... Уж вы только, Дейч, дайте мне с ними разговаривать... Не вмешивайтесь...
— А что я буду делать?
— Делайте что-нибудь. Сядьте около графина и пейте воду.
— Пейте вы воду. Я тоже вождь.
— Ах так? А кто четвертого дня...
— Хорошо, не буду. Пододвиньте графин.
Ровно через полчаса в дверь постучали.
— Журналисты! — схватился за голову Бауэр. — Держитесь, Дейч, начинается...

Он наскоро вытянул из кармашка уголок красного шелкового платочка и сел подальше от окна.
В комнату вошел скромно одетый молодой человек, поставил у дверей деревянный ящичек, посмотрел на потолок, на стены и поклонился.

— Садитесь, молодой человек, — солидно произнес Бауэр. — Вас, конечно, интересуют венские события?

Молодой человек удивленно посмотрел на Бауэра, но, подумав, ответил:

— А кого они не интересуют? А вы что, — оттуда?
— Оттуда. Предотвратили кровопролитие и приехали.
— Как это предотвратили? — еще более удивился молодой человек. — Сотни убитых на окраинах, а вы...
— За окраины не ручаюсь, — солидно заметил Бауэр. Но в центр мы, социал-демократы, рабочие не пустили. Они рвутся, а мы не пускаем. Сдадимся, говорю, сначала на окраинах, а потом уже пойдем в центр. Нельзя же все сразу.
— Вот и не допустили, — хмуро сказал молодой человек. — А теперь там фашисты будут править...
— Фашистов мы одним править не допустим, — угрожающе вставил Дейч, проглотив третий стакан. — Или мы или они. А еще лучше — вместе.

— Я пошел, — сердито посмотрел на него молодой человек и поднялся.

— Посмотрите, посмотрите... Виноват, вы от какой газеты?
— Какая еще там газета, — огрызнулся молодой человек. — Монтер я. Проверять провода прислали. Понимаете, — монтер... Рабочий.

— И я с ним еще разговаривал! — схватился за голову Бауэр. — Идите, идите! Вы знаете, кто мы?

— Теперь знаю, — без обиняков ответил молодой человек. — Сволочи вы. Раньше не заметил.

Когда он ушел, Дейч горько вздохнул:
— Не жильцы мы теперь в этом отеле, Бауэр. Пойдите наймите извозчика, переедем в другой!

Бауэр, семеня, пошел за извозчиком. Не возвращался он довольно долго. Потом пришел, сел на чемодан и уныло сказал:

— На улице узнали. Трое.
— Знакомые?
— Чужие.
— А почему вы думаете, что узнали? Заговорили?

— Один сначала заговорил, а двое прямо на пальто плюнули. Может, меня за вас приняли.

— Может. Я тоже вождь. Тоже популярный. Оботритесь и не скулите. Ночью переедем.

— Ночью, так ночью, — подумав, ответил Бауэр. — Ночью в Праге благодать: темно, полиции много и ни одного рабочего! Умеют люди жить, умеют устроиваться!..

АРК. БУХОВ

РАЗГОВОР У РЕМОНТНОГО ПУНКТА

— Ремонтный пункт закрыт пред самым севом?!!

— Чего орешь, ты погляди-ка, эвон, —

Мигнул мне сторож Курочкин Флегонт

И прочитал плакатец нараспев он:

„Зак-ры-то на ре-монт!“

В. ГРАНОВ

ЛЮБОВЬ И ШИРПОТРЕБ

(Правдивая поэма)

Сегодня ты меня поэтом не зови, —
Скажи, что я пошляк и серый обыватель.

Читатель! Я пою сегодня о любви,
Несчастной... с точки зрения кровати.

Постояй негодоваты! Невинен мой сюжет,
И если в нем кровать играет роль большую, —
Так в этом все равно ни капли грязи нет,
О чем предупредить почтительно спешу я.

Двусмысленных острот заранее не жди.
Я смолоду питал возвышенные чувства

И много кой-чего питал еще в груди,
Но... скромненький и суров мой подотдел искусства.

Лирическим певцам приятно воспевать
Луну и соловья, лобзания и муки,
А если я сейчас не вспомню про кровать,
Никто не посвятит ни строчки этой штуке.

Поэты — чистячки. Хотя никто из них
Не носится теперь с „высоким даром неба“, —

Им все-таки претит истратить звонкий стих
На пошленький предмет, на пользу ширпотреба.

А этот ширпотреб не меньше соловья
При случае любом нам может пригодиться,
И даже сам поэт, — простите мне друзья, —
На ширпотребе голеньким родится.

Однако перейдем к рассказу моему,
Оставив в стороне гарнир из оговорок,

Хотя теперь всегда, — не знаю почему, —
В рассказе — пять страниц, а в предисловьи — сорок...

Был парень холостой, и девушка была.
Он — юн и одинок, как перст, двадцатилетний.

Она — в чужой семье с подругою жила,
И встретились они в белесый вечер летний.

Не знаю, как сейчас о загсе говорят
(Я десять лет назад имел подобный случай),

Спросите это все у молодых ребят, —
Они расскажут вам и правильной и лучше.

Парнишка холостой соседом был моим,
Он рядом занимал отдельную каморку.

Недели три назад мы чай гоняли с ним,
И у меня на загс он попросил пятерку.

Не то, чтобы совсем он не имел монет, —
Он парень деловой и получал прилично, —

Но там, где есть любовь, весна и двадцать лет, —
Там месячный баланс не сходится обычно.

И вот он прилетел с молоденькой женой,
Румяной, разбитной, веселой и счастливой,

И зазвенела жизнь за тоненькой стеной,
До этого глухой и вечно молчаливой.

Над кухонной плитой повисла на крюке
Кастрюлька, как луна, промытая соседкой,

И примус загудел в укромном уголке,
И чайник сел на нем блестящею насадкой.

Все — очень хорошо. За стенкою поют,
Поют, когда встают, и вечерами тоже.

Но в комнате пока не завершон уют:
Один разбитый стул и нехватает ложа.

Пока ты холостой и молод, как весна,
Ты можешь на полу легко расположиться

Иль парочку досок изобрести для сна
Иль даже вовсе спать неделю не ложиться.

Зачем тебе кровать, куда ты один?
Но стыдно пренебречь удобствами любимой.

Конечно, ни к чему Казбеки из перин,
Но честную кровать купить необходимо.

Мой радостный сосед в ближайший выходной,
Зажавши в кулаки недавнюю получку,

На поиски с утра отправился с женой,
Солидно подцепив любимую под ручку...

Их не было весь день. Они пришли тогда,
Когда везде огни зажечь уже успели.

И молодой сосед не прыгал, как всегда,
И долго за стеной молчали и не пели...

Потом я все узнал. Кровати добывать
Умеют только те, кто знает шучье слово.

Попробуй-ка достать дешевую кровать, —
Проходишь целый день — и толку никакого.

Тут — были, но прошли. Там — будут, но навряд.
Здесь — вот они стоят, но страшно прицениться:

Пугая смельчаков, наставлены подряд,
Нескладные, как слон, индийские гробницы.

Сосед ходил не раз, справлялся и следил,
Потом пошла жена, а он на кухне стряпал.

Но рок не уступал, уют не приходил,
И жидкий тюфячок стелился прямо на пол.

Неловко на полу: и дует и сквозит,
А тут еще и пол не очень-то исправен,

Ему-то — ничего, а у нее — бронхит, —
Ведь хрупок женский пол, хотя и равноправен.

Давно уже сосед не прыгал и не пел.
Я мучился за них по должности поэта,

Лечил и помогал... А нынче не стерпел:
— Любви нужна кровать! — Я утверждаю это!

Товарищи, друзья, вступитесь за любовь!
Смотрите, как она, бедняжка, похудела!

Создайте ей уют, щекам верните кровь,
Вы, штатный бюрократ кроватного отдела!

Иначе я про вас отдельно напишу
И вас распотрошу, как повар чистит птицу,

И каждую строку так мелко искрошу,
Что вам за этот стих вовек не расплатиться.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

УХОДЯЩЕЕ

На окраине, где фонарь к лачужке
Прислонился, будто человек,
Доживает
Бойкая пивнушка
Свой короткий,
Бесшабашный век.
И поет
И плачет в пьяном трансе
Этот взбаламученный барак.
На витрине
В позе реверанса
Нарисован рап.
А внутри
Мерцает свет неверный...
И пивная, глядя в темноту,
Кажется таинственной таверной
В мрачном
И разбойничьем порту.
Будто в ней
Живут вражда и склока,
И нередко раздается стон.
А под вечер
Мистера Шерлока

Угощает джином Пинкертон.
Нет, не то,
Рубли, а не пиастры
Ждут размена
В кошельках гостей.
И стоят
Искусственные астры
На столах,
Промокших до костей.
Пьют людишки,
Волосы, как стружки,
Что-то безнадежное в очах.
И уже не головы,
А кружки,
А пивные кружки
На плечах.
Руки машут,
Хлопают, как в драке.
Что в глазах двоится —
Не беда...
Только раки,
Лапчатые раки
На столе краснеют от стыда.

БОРИС КОВЫНЕВ

МАСТЕРА СКЛОКИ,

или

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

Когда жулик хочет отвлечь от себя внимание, он пер-
вый и громче всех кричит, догоняя кого-то:

— Держи, держи его!

В конце прошлого года происходила ревизия „Ормедь-
золота“. Бывший начальник продснаба Ярыгин, изрядно
„нашкодивший“ перед своим увольнением, задумал свалить
свои грехи с больной головы на здоровую. Жертвами
своими он выбрал заведующего АФУ Антонова и нового
начальника продснаба Мажирова. Он начал против этих
лиц склоку и травлю, бросая прямые обвинения!

— Держи их! Вот, вот, кто товары растранижил!

По дутым заявкам отпускали! По блату! Самоснабженцы!

Часть ревизионной комиссии, а именно помпрокурора
Кисин-Курбатов и инспектор райРКИ Лебедев поверили
этому „держим“! Оснований верить-то как будто не было,
а просто зудел, должно быть, в их крови склочнический
зуд... Ко всему написанному рукой Антонова они стали
уже подходить предвзято, с повышенной мнительностью:

— Что это? Записка на канцелярские принадлежности?
Знаем мы, какие это „принадлежности“! Небось, сахар или
маслице!

Эй, Алдан, строчи-ка заметку в газету!..

Так подсунили они Антонова „Крокодилу“ на вилы!..

Но в конце концов, как говорится, „порок наказан, а
добродетель торжествует“. Ярыгин привлечен к уголовной
ответственности по закону 7 августа за растраты, а обви-
нение Антонова признано прокуратурой неправильным,
следствием чего он автоматически соскальзывает с „вил“.

Ну, а как же с остальными „склокмейстерами“, писав-
шими клеветнические заметки в газеты? Вопрос о них
остаётся открытым, хотя вилы у „Крокодила“ „чешутся“.

„Необходима беспощадная борьба за
очищение литературы от словесного хла-
ма, борьба за простоту и ясность нашего
языка, за честную технику, без которой
невозможна четкая идеология“.

(М. Горький. „Открытое письмо А. Серафимовичу“).

„...На-днях мне было правильно ука-
зано, что я перехвалил книгу Алексева
„Атаманина“ конечно не только одна
эта ошибочка числится за мной — пере-
хваливал я многих из среды „пишущей
братии“.

(М. Горький. „Открытое письмо А. Серафимовичу“)

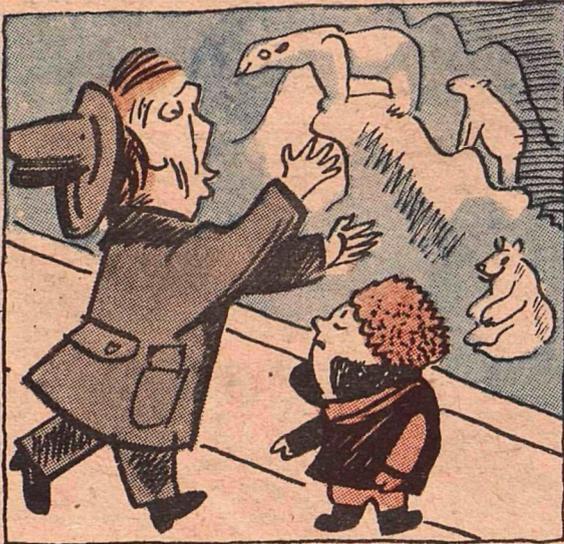

Рис. Л. Бродаты

ПОПРОБОВАЛИ СЛАДКОГО, ПОПРОБУЙТЕ И ГОРЬКОГО.

(М. Глушков)

Рис. А. Радакова

— Сын мой, — кричал Паша, — напрасно ты уговаривал меня пойти в зоосад! Только теперь я понял свою ошибку. Экзотика не там! Она, верь моему слову, — за Полярным кругом. Передай матери последнее прощание и воспитывайся сам. Мой путь — на Север!

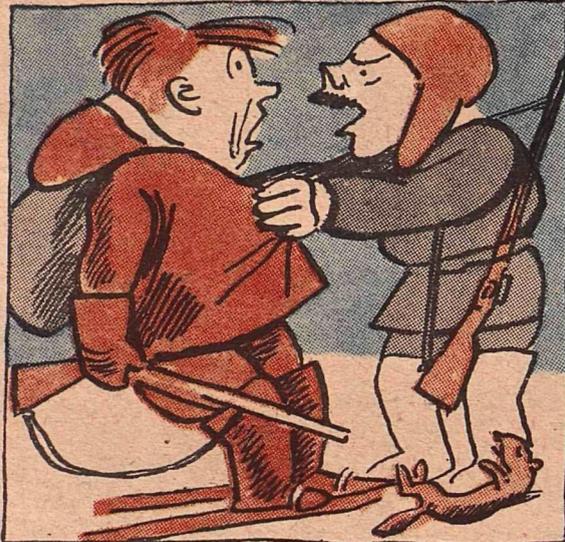
Бросив семейный очаг, Паша закупил все необходимое для дальнего путешествия и отправился в дорогу. Пройдя на лыжах тысячи километров, он увидел, наконец, северное сияние.
— Дальше, дальше! — волновался Паша. — Туда, где еще не ступала нога человека, — и я буду первый там...

Но, перевалив через бугор, Паша, к ужасу своему, убедился, что нога человека там уже ступала. И не только нога.
— Простите, — сказал огорченный Паша, — что это значит? Может быть, вы — мираж?..
— Нет, — сказал человек, — никакой я мираж?.. Я — Петров, директор этого комбината. А пустыня, если вы ее ищете, — там, дальше.

Долго мчался Паша по снежной целине, чтоб окончательно расстаться с надоевшей ему культурой. И, наконец, он увидел то, о чем мечтал: бесконечные снега и диких соболей. Паша вскинул ружье и выстрелил.

Не успел он освежать убитого зверя, как почувствовал, что кто-то сжимает его в стальных объятиях. Паша не растерялся.
— Амундсен, тебя искал весь мир, но одному мне суждено тебя найти. Ты, наверное, проголодался... Мы сейчас изжарим эту дичь..
— Сам ты Амундсен, — сказал ему верзила. — Я охрана заповедника. Идем.

И верзила привел его в обыкновенную контору, где сидел злой бухгалтер.
— На первый раз, — сказал он ему, — вы заплатите сто рублей штрафа за хулиганство, а в следующий раз — отдадим под суд.
Расстроенный Паша грустно удалился в пустыню.

СТАНЦИЯ ЗАТИШЬЕ

Станция Затишье.

Станция — как станция.

В станционном зале № 3, бывшем третьем классе, среди деревянных поручней как в оглоблях, стоят и сидят полтора десятка пассажиров с узлами и чайниками. Надо не проворонить: таинственное окошечко кассы сейчас нагло закрыто. Оно откроется неожиданно и неожиданно же захлопнется. В зависимости от настроения кассира.

Два раза в день в зале задумчивая девица убирает и раскладывает, как пасьянс, на туалетном столике „Союзпечати“ дюжину видов Ялты и Симеиза, томик Поль-де-Кока, томик Элтона Синклера, „Цемент“ Гладкова и несколько цветных брошюр о силосовании.

В зале № 1 за стойкой под двумя запорошенными пылью пальмами восседает небритый хмурый буфетчик.

Не глядя на покупателя, он достает из-под стекла тарелку с ломтиком изжелта бледной ветчины. Кладет, не глядя, кредитную бумажку в ящик. Не глядя, выбрасывает сдачу.

Между залом № 1 и комнатой дежурного по станции при входе — целых три таблички: „Парикмахерская“, „Хранение ручного багажа“, „Комната матери и ребенка“. Все это в одном помещении. Впрочем, все и аннулировано одной сакраментальной надписью на приколотой бумажке: „Закрыто на ремонт“.

Рядом, в комнате дежурного, стены и двери которой, как обои, проклеены вылинявшими приказами, стоят фонари, сидят люди в шубах с петлицами и овчинными воротниками, висит облако табачного дыма.

Приходят и проходят мимо станции поезда.

Скорый поезд стоит на станции Затишье три минуты.

Пассажир в галифе и в калошах на босу ногу, вылезший из вагона, нерешительно опускает открытку в ржавый почтовый ящик, что висит рядом с окошком. Пытается разглядеть в отверстие: что там внутри — письма или мусор?

Ускоренный и почтовый поезда стоят на станции Затишье в среднем минут по пятнадцати.

Из вагона стремглав выбегают люди с чайниками, кружками и котелками. У кипяильника — очередь, шумиха, суতোка. Но „кипяток“ в кипяильнике холодный. Начинают кипятиться сами пассажиры.

Однако два спасательных звонка, затем безаппеляционный гудок, и состав, нарушивший покой Затишья, уползает в заснеженную даль. И уже только виден вдаль темный квадратик, а над ним легкий тающий дымок, как от папиросы.

Благостная тишина.

На запасных путях, забитых товарным порожняком, болтается маленький, весь перемазанный и закопченный, как беспризорник, маневровый паровоз. За станцией, в сарае, мычит начальникова корова. Начальник станции Безбабичев идет по платформе.

Он самодовольно смотрит на две смежные доски: красную и черную. Красная вся густо исписана мелом. Черная доска, очевидно из скромности, не тронута.

На путях лежат холмики неубранного снега. Начальник спрашивает у подходящего к нему дежурного по станции:

— Иван Миронч, почему снег не вывезли? Приказ за моей подписью отдали?

— Так точно, Георгий Иванч, отдали.

— Почему же его не выполняют, Иван Миронч?

— Не могу звать, Георгий Иванч, я вчера заступил вечером.

— Что это, я смотрю, — продолжает начальник, — порожняка сколько скопилось на станции.

— Так точно. Все запасные пути забиты!

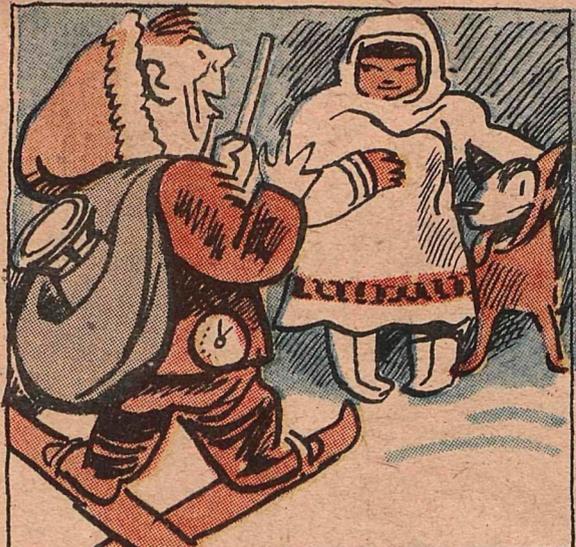
— Надо бы часть порожняка к соседям, что ли, перегнать, на станцию Мордашкино.

— Не принимают, Георгий Иванч, своего, говорят, собственного порожняка — через край.

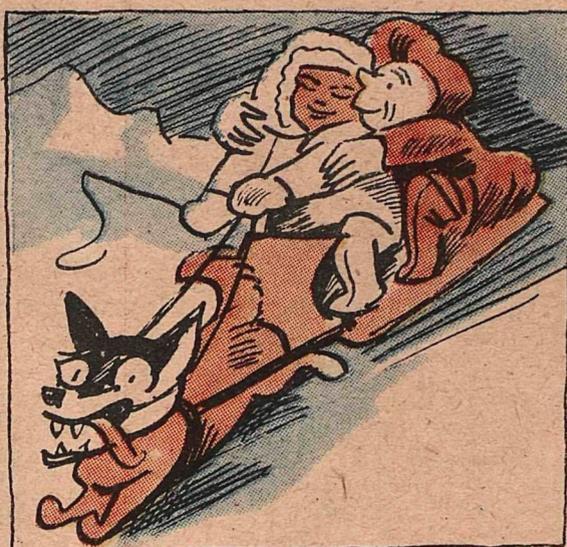
— Вот. А в „Гудке“ пишут, нехватает вагонов под груз. И чего пишут?

— Да, — вспоминает начальник станции, — что это я вчера ночью слышал: гудит, гудит. И утром опять гудит, гудит. Что такое?

— А это, Георгий Иванч, — смущенно осклабляется дежурный, — товарный у семафора стоял. Ночью пришел. А у Семена Семенча akurat ихней супруги Евдокии Александровны день рождения справляли. Очень веселились. Только под утро разошлись. И сразу открыли

Вскоре Паше все же повезло. Он встретил на своем пути настоящую самоедку, как рисовали когда-то в учебниках географии.
— Зажгу спичку, подумал Паша, — и скажу ей, что я — колдун. Вот удивится!!!

Но самоедка не удивилась. Она пригласила Пашу к себе, и он, соскучившись по уюту и теплу, решил согреться в ее юрте.
Собачья упряжка мчала их в неизвестное.

Но самоедская юрта оказалась вдруг отлично оборудованной школой-семилеткой, а сама — учительницей...
— Заполните анкету, — сказала она. — Судя по вашим знаниям, вас, может быть, удастся зачислить в третью группу.
Паша испуганно бежал.

Он долго мчался по снежным полям и прыгал через сугробы. Устроившись поудобней, он взглянул на компас, но оказалось, что впопыхах Паша вместо него взял будильник. Секстантом Паша не мог управлять и пошел наудачу.

— Будьте любезны, — сказал он встречному охотнику, — где здесь, между прочим, Северный полюс и полярная пустыня? У меня больше нет сил искать...
— Северный полюс? — ответил охотник. — А вот там, где школа. Вы его уже давно прошли. А дальше, в километре, — рыбно-консервный комбинат. Пустыня? Пустыни тут уже давно нет... А по второй пятилетке вот здесь будет следующее...

Но Паша не слушал его. Он помчался на юг, туда, где оставил сына и жену.
Снова пошел он в зоосад и, глядя на белых медведей, говорил своему потомку:
— Не верь, Гриша. Твой бедный отец все испытал. Только здесь последняя экзотика Севера, а там на полюсе есть даже выходные дни...

семафор. Пропустили товарный без задержки. Сразу и без задержки, Георгий Иванч!

Лицо начальника станции багровеет:
— Вот что? Так, так.
— День же рождения, Георгий Иванч. Раз в году бывает. Ночью справляли. А тут, как на зло, этот товарный. Подскочил. Стоит у семафора. Гудит, горланит. Ну, утром сразу же его и пропустили, открыли семафор и — без задержки.
— Так, так, так! — продолжает свирепеть начальник станции. — Так-с, Семен Семенч день рождения справляет, а начальника позвать не соизволит. Очень хорошо-с. Оч-чень. Так вам и запишем-с. Так, так, так.
Зловещая тишина воцаряется на станции Затишье.

Л. МИТНИЦКИЙ

„МЕХАНИЧЕСКИЙ КЛОП“

(Курское происшествие)

Пассажиры дачного вагона, скусившись и поджав ноги, уныло вымерзали на скамейках. Циклоны и антициклоны крутились по вагону от плохо пригнанных окон и разбитых дверей. В меру выпивший проводник интимно храпел в служебном отделении. Оживленно вел себя только один пассажир в замусоленной железнодорожной фуражке. Он крутился на скамье, скрежетал зубами, вздыхал и непрестанно чесался.
— Вот уж этого я не долюблю! — ворчливо сказал старичок в перевязанных ниткой очках, — уж это просто неинтеллигентно, этак в международном масштабе чесаться...
— Блоха — она не разбирает! — заступился пожилой пассажир, — блоха с вас аттестата из вуза не требует... Равноправно грызет, кого хочет...
— От блохи этак не чешутся! — заметил знаток из угла, — ну, на спор иду, что это его клоп сверлит! Верно я говорю, гражданин?
— Клоп, батюшка, животное вольное! — рассудительно сказала старуха с бидонами, — где ему приглянется, там оно и зимует...

— Вот уж это извините! — не сдавался старичок. — Уж, наверное, у этого гражданина в доме грязь разведена! А от нее — паразиты, которые с ним ездят.
— Ерунда! — сердито ответил железнодорожник, — дома у меня и пылинки не сядет. Новый дом у нас. Неприлично клопа в нем содержать...
— Ну, значит, в дороге приобрели. Или где-нибудь в учреждении, — заметил старик.
— То-есть как так в дороге? — проснулся и обиделся проводник. — Хотя мы и Курская дорога, но этого я не позволю сказать. Да и где же простому насекомому в наших вагонах выжить? В них пассажиры и те зубами стучат!
— Ох, да не спорьте вы... — прошептал железнодорожник, — не будите вы его... Он затих и не трогает пока...
Не спорьте зря... Это клоп у меня особый, паровозный клоп!.. Я же машинист, с Москвы-1.
— С па-ро-во-за? — изумились все пассажиры. — Да откуда же на машине клоп возникнет?
— Очень просто! — сказал машинист, — из домов его выжили. С вокзалов гонят. А паровозы у нас в депо покоя века не чищены.
— Может быть, и тараканы на паровозах есть? — спросила старуха.
— Есть!
— А пауки?
— Все есть! Молчи, ради бога... Не буди ты его...
Замолчали все. А поезд вдруг заскрежетал и остановился.
— Кончено! — заметил пожилой. — Машина сломалась. Любимое это дело у Курской дороги — среди поля стоять...
— Ерунда! — буркнул машинист. — Техники вы не понимаете. Просто это мышь трубу закупорила. Сейчас прогорит, и тронемся...

ЛЕОНИД СЯНСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ. Боясь, что автор несколько преувеличил факты, редакция „Крокодила“ послала свою бригаду в депо Москва-1 Курской дороги. К сожалению, рейд обнаружил, что пассажирские паровозы дороги находятся в чудовищно грязном состоянии и даже совсем не вытираются за отсутствием в депо пали и концос. Остановки поездов в пути из-за скверного состояния машин тоже установлены.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В НАРКОМЗЕМЕ

Михаил Евграфович продолжал свой рейд по Наркомзему.

„В этом отношении он несколько походил на попуя!“, вдруг нападет на него стих говорить: „нельзя-с“, — ну, целый день и говорит: „нельзя-с“; другой раз вздумает говорить: „закона нет“, так и пойдет на целый день: „нет закона“. До такой степени зарепортуется, что даже, когда дбкладывают, что кушанье подано, он все-таки кричит: „нет закона“.

(„Сатира в прозе“ — „Наш губернский день“)

Заместитель начальника Союзсовхозхлопка Садовников в этом отношении несколько походил на попуя. Вдруг находит на него стих говорить: „не знаю-с“, ну, и целый день говорит: „не знаю-с“.

Обратился к нему за разрешением важнейших вопросов начальник политотдела хлопкового совхоза „Саваи“ тов. Гусейнов.

— Как будет с натуроплатой колхозников, работающих в совхозе?

— Не знаю-с.

— А когда это будет известно?

— Не знаю-с.

— Как обстоит со строительными материалами для индивидуального строительства?

— Не знаю-с!

— Зачем же вы строительные планы нам давали?

— Не знаю-с!

И сидит себе спокойно, запивает чайком, и нет ему никакого дела до того, что другие волнуются, тре-

вожатся и ждут от него каких-то исчерпывающих указаний.

Неровен час, Садовников до такой степени зарепортуется, что, когда его спросят: „На своем ли вы месте, тов. Садовников?“ он, несомненно, ответит:

— Не знаю-с!.

„Стуколка—игра глупая по преимуществу, играет она в три карты, и единственное соображение, которое при этом нужно иметь, чтобы, обладая козырным королем, иметь такую морду, как будто бы на руках три семерки фоски“.

(„Письма из провинции“ — Глава 2-я).

Член коллегии Наркомзема, начальник управления химизации тов. Шток поступает наоборот. Хотя на руках у него обыкновенные три семерки фоски, но лицо у него такое, будто бы у него всамделишный козырный туз.

Нужно было обеспечить колхозы удобрениями, а тов. Шток завел переписку с Сельхозснабом, который расположен этажом ниже. Нужно было развернуть строительство пристанционных складов для удобрений, а управление химизации только 8 февраля отправило письмо, чтобы земельные органы на месте договорились об этом. Нужно было разослать инструкции о том, как применять минеральные удобрения, а инструкции не были даже и написаны. Нужно было переподготовить агрономов-химизаторов: вместо 919 человек обучили 368.

Но при всем этом тов. Шток не беспокоится, не горячится. Хотя в управлении химизации глубокий прорыв в подготовке к весеннему севу, но у тов. Штока лицо, как будто на руках у него настоящий козырный туз.

„Думали мы, думали, как тут поступить, и, наконец, один из государственных младенцев подал отличный совет: „Придумал я, господа, прекраснейшее развлечение, — сказал он однажды. — Именно, выберем какой-нибудь вопрос, образуем из себя комиссию и будем поступать так, точно, как бы мы выступали в заправских комиссиях“.

(„Круглый год“, 1 марта).

Три комнаты в Наркомземе. Все три — на четвертом этаже.

В комнате № 462 расположился сектор планирования МТС и колхозов. Начальник сектора Матеранский.

В комнате № 443 обосновался сектор экономики труда. Возглавляет сектор Чечковский.

В комнате № 473 поглочены работой сотрудники сектора административно-управленческих расходов. В руководителях здесь Горбунов.

Скучно стало обитателям этих трех комнат. Думали они, думали, как тут поступить, и, наконец, один из них подал отличный совет:

— Пошлем на места лимиты фондов заработной платы.

29 декабря послал лимиты Матеранский. Для МТС с 35 тракторами он установил лимит заработной пла-

ты в 3.765 руб. 26 января Чечковский из комнаты № 443 послал другой лимит — 3 403 рубля.

2 февраля Горбунов из комнаты № 473 определил лимит заработной платы в 3.815 руб.

Эмтезсовцы стали втупик. Как быть? Какой лимит действительно? Думали, гадали, стали забрасывать Наркомзем телеграммами, снарядили ходоков.

Пришли ходоки в комнату № 462 к Матеранскому, тот говорит:

— Не слушайте никого. Наши цифры верные.

Зашли в комнату № 443, а там Чечковский встал на дыбы:

— Пошлите вы всех подале! Придерживайтесь только нашего лимита.

В 473-й комнате просто напросто пригрозили:

— Будете действовать не по нашим лимитам, расходы не утвердим.

Ходоки ходят, телеграммы пишутся, а обитатели трех комнат на четвертом этаже развлекаются.

Михаил Евграфович продолжал свой рейд по Наркомзему. Он все больше и больше убеждался в том, что работники Наркомзема продолжают действовать методами его героев. К сожалению, за недостатком места, мы лишены возможности опубликовать весь материал, обнаруженный маститым сатириком во время его рейда по Наркомзему.

ГРИБНИКИ

Оказывается, что из всех доставленных в Москву 4.000 тонн соленых грибов полноценных и годных в пищу оказалось только 20%.

Не по этому ли поводу некоторые из эстрадных певцов снова стали исполнять старый романс:

„Молчи, груздь, молчи...“

ДОРОГИЕ СВИНЬИ

Для служащих на товарных базах Центросоюза в Москве имеется столовая, при которой организован свинарник. Выяснено, что килограмм свиной столовой обходится в 27 руб., а килограмм свиного сала — в 120 руб. О том, что телушка за морем обходится очень дорого, известно уже давно, но чтобы свинья на месте стоила таких денег, — с этим фактом мы сталкиваемся еще впервые.

ОБ УВАЖЕНИИ К ЖИВОТНЫМ

Краткая и поучительная история из жизни людей, растений и животных.

Средневолжская закупочная контора МСПО (заведую-

щий Цуцын) закупила неванданный товар — соленые дыни в количестве 4.106 килограммов. Дыни были отправлены на Хорошовский комбинат МСПО для реализации, но комиссия по качеству не только запретила их пускать в продажу, но даже кормить ими скот.

Так иногда и периферийному комбинату приходится превращаться в общество защиты животных от дурного обращения.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Приказ директора столовой № 49 Нарпита Ленинского района в Москве:

Подвальщики Пероговой за ни однократное предупреждение мной зав. столовой за неопустратное состояние над собой в которой вырывается отвратительный вид фигуры за не соблюдение формы подвальной дыни за неоднократное замечание и предупреждение неправомерного ношения фартука объявляю строгий выговор с предупреждением.

Директор столовой 49 Щедров.

„ЛОТЕРЕЯ-АЛЛЕГРИ ИМЕНИ ВЦСПС“

Секретариат президиума ВЦСПС составляет повестки очередных заседаний президиума ВЦСПС, на которых числится от 200 до 250 вопросов.

Разбирается же на заседаниях обычно пять вопросов. Жертвы секретариата целыми

месяцами ходят на заседания в чайники того, что в этой заседательской лотерее-аллегри на их долю выпадет счастливый билет.

Президиуму ВЦСПС необходимо к 250 вопросам повестки прибавить еще один: „О работе своего секретариата“. Этот вопрос будет пользоваться самой большой популярностью.

ВЕСЕЛАЯ ДЕРАТИЗАЦИЯ

Выписка из информационного письма № 3 Всеукраинской конторы Заготзерно (по Днепропетровской обл.):

„Работа Общества борьбы с вредителями не дала положительных результатов. Дератизатор ОБВ Чубаревской станции требует от пунктов приобретения масла, сыра, мяса, хорошего белого хлеба и 1 литра водки для приготовления заправочных...“

Повидимому, крысы в этом районе не избалованы. Шампанского и шоколада они для своего истребления не требуют.

ЛЮБИТЕЛЬ БУЛОЧЕК

Обыкновенно вкусные булочки приводят человека в хорошее настроение. Но бывают и исключения.

Начальник смены транспортного цеха „Серпа и молота“ товарищ Калашников получил из буфета для смены 75 булочек.

Скушав булочки, Калашников отправил в буфет отно-

шение с подписями и печатями:

„Прошу отпустить добавочных плюшек 75 штук и отпустить безоговорочно, во избежание СКАНДАЛА. Нач. смены Калашников“.

В такое скандальное настроение привели Калашникова обыкновенные прилично выпеченные плюшки. Жутко подумать, что будет, если буфет накормит Калашникова вкусным бифштексом. Минимум, что он потребует, — это привода к себе целого стада

ИНЦИДЕНТ ИСЧЕРПАН

За циркуляр о соцсоревновании, звучащий как бюрократическое распоряжение, мы назвали, в одной из недавних вил, т. Коловича, управляющего В/О „Союзтиль“ — бюрократом.

Прочитав эту вилу, т. Колович поступил не по-бюрократически. Вместо объяснительных сухих писем с казенными отпирательствами, он сам признал свой циркуляр ошибочным и попутно дал нам возможность ознакомиться со своей работой, которая оказалась далекой от бюрократизма.

„Крокодил“ считает себя хорошим товарищем по отношению к каждому деловому советскому работнику и с тем же удовольствием, с каким ловит его на ошибке, снимает свой обвинения, когда видит, что имеет дело со случайностью, а не с системой.

WS XS
22/11

Рис. К. Ротова

АРХИВ
27 7 МАР 1964
Г. Ц. К. П.

НОЙ: — Лети, голубок, разговаривай о мире!
ТИГР: — Только подольше, а то мы не успеем как следует вооружиться...